

УДК 347.73

DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067

## **Правовое регулирование публичной финансовой деятельности Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: проблема системности правового режима**

**Шахов Даниил Владимирович**

Аспирант,

Департамент международного и публичного права Юридического факультета,  
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,  
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;  
e-mail: d.shakhov@example.ru

### **Аннотация**

Цифровые институты публичных финансов — государственные информационные системы бюджетного процесса, цифровые платформы фискального администрирования, цифровой рубль, цифровые платёжные системы, автоматизированные процедуры финансового контроля — рассматриваются в статье не как набор разнородных технологических новелл, а как единое правовое явление с общим для всех блоков публичной финансовой деятельности кругом проблем. Распространённому в литературе взгляду на цифровизацию как на смену парадигмы финансовой деятельности государства противопоставлен тезис о сохранении её публично-правовой сущности: качественно меняются параметры — субъектный состав, объекты, инструменты и принципы правового регулирования. Даны авторские определения цифровой трансформации публичной финансовой деятельности и «алгоритмически опосредованного» фискального контроля. Сквозной и до сих пор не разрешённой остаётся проблема правового режима алгоритмической оценки: и в налоговом администрировании, и в бюджетном контроле результат работы алгоритма влечёт для обязанного лица неблагоприятные последствия, а процессуальной формы его оспаривания нет. Статья завершается комплексом предложений по совершенствованию бюджетного, налогового и информационного законодательства.

### **Для цитирования в научных исследованиях**

Шахов Д.В. Правовое регулирование публичной финансовой деятельности Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: проблема системности правового режима // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 282-298. DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067

### **Ключевые слова**

Публичная финансовая деятельность, цифровая трансформация, финансовое право, экспериментальные правовые режимы, «Электронный бюджет», цифровые платформы, фискальное администрирование, цифровой рубль, национальная платёжная система, государственный финансовый контроль, риск-ориентированный подход, алгоритмическая оценка.

## Введение

Цифровая трансформация публичного управления закреплена в системе стратегического планирования Российской Федерации в качестве национальной цели [Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309, 2024]. В сфере публичных финансов её материальное выражение измеримо: за период 2019–2030 годов на реализацию федерального проекта «Цифровое государственное управление» из федерального бюджета направлено 894,9 млрд руб., из которых расходы на цифровизацию за 2019–2024 годы составили 380 млрд руб.

Состояние научной разработанности темы характеризуется существенной асимметрией. Отдельные проявления цифровизации публичных финансов исследованы в трудах: бюджетно-правовой блок — в работах Н. А. Поветкиной, Р. Е. Артюхина, О. В. Болтиновой [Поветкина, Артюхин, Демидов, 2021; Болтинова, 2021], валютно-правовой — в работах Л. Г. Ефимовой, Е. Б. Лаутс, Т. Э. Рождественской и А. Г. Гузнова, контрольно-правовой — в работах И. О. Антропцевой, Э. А. Исаева, А. И. Лукашова; предпринимались и обобщающие исследования [Цифровой контур публичных финансов и право, 2022; Финансовое право в условиях развития цифровой экономики, 2019]. Тем не менее эти работы выполнены преимущественно в границах обособленных институтов финансового права, вследствие чего остаётся без ответа вопрос, имеющий принципиальное доктринальное значение: является ли наблюдаемая совокупность изменений набором разнородных технологических новелл либо проявлением единой закономерности, затрагивающей публичную финансовую деятельность как целостное правовое явление.

Выдвигаемый тезис состоит в том, что цифровые институты публичных финансов порождают общий для всех блоков публичной финансовой деятельности круг правовых проблем, ядром которого выступает отсутствие правового режима алгоритмической оценки. Доказательство этого тезиса требует последовательного рассмотрения всех четырёх составляющих публичной финансовой деятельности — общетеоретической, бюджетно-правовой, налогово-правовой и валютно-правовой — и завершается анализом контрольного блока, где эта проблема видна острее всего.

### **Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности: понятие и пределы изменений**

Действующее законодательство не содержит легального определения цифровой трансформации применительно к сфере публичных финансов. Стратегические документы [Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203, 2017; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309, 2024] оперируют этим понятием как целевым ориентиром, не раскрывая его юридического содержания, вследствие чего правовое регулирование выстраивается вокруг категории, не определённой в терминах права.

С учётом изложенного предлагается следующее определение. Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности — это качественное, системное преобразование властной деятельности уполномоченных государственных и муниципальных органов по формированию, распределению и использованию публичных денежных фондов и осуществлению финансового контроля, реализуемое посредством глубокой цифровизации и перепроектирования управленческих процессов, институциональных структур и компетентностной среды на основе технологий нового поколения (искусственного интеллекта, больших данных, цифровых

платформ и иных), направленное на повышение прозрачности, результативности и инклюзивности принятия финансовых решений, а также на вовлечение общественности в бюджетный процесс в целях достижения публичного интереса. Предлагаемое определение сознательно отграничивает цифровую трансформацию от оцифровки: последняя означает перевод существующих процессов в электронную форму без изменения их содержания, тогда как трансформация предполагает перепроектирование самих процессов.

Ключевым является вопрос о пределах происходящих изменений. В литературе получило распространение представление о цифровизации как о факторе, меняющем парадигму финансовой деятельности государства. Эта позиция представляется неточной. Классическое учение о финансовой деятельности государства, разработанное Э. Д. Соколовой и Ю. Л. Смирниковой [Соколова, 2008; Смирникова, 2012], выделяет в качестве её конституирующих признаков публично-властный характер, целевую направленность на реализацию публичного интереса, системность и плановость, денежный характер и нормативную опосредованность. Проверка каждого из них в цифровой среде не обнаруживает утраты ни одного: деятельность по аккумулированию, распределению и использованию публичных денежных фондов сохраняет характер деятельности, осуществляемой от имени и в интересах публично-правового образования, а её плановая основа не только сохраняется, но и усиливается — паспорта государственных программ переведены в машиночитаемый формат [Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786, 2021] и приобрели свойства исполнимого в информационной системе объекта.

Следовательно, речь идёт не о смене парадигмы, а о качественной трансформации параметров публичной финансовой деятельности, которая может быть сведена к четырём позициям.

Во-первых, изменяется субъектный состав. К органам публичной власти добавились операторы цифровых платформ и государственных информационных систем: на них возлагают публично-правовые обязанности, им передают отдельные публичные полномочия. Показательнее всего здесь статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля и статус кредитных организаций — участников платформы. Последовательного решения о правовой природе такого участия законодательство не даёт: оно не укладывается ни в делегирование публичных полномочий, ни в возложение публичной обязанности на частный субъект.

Во-вторых, расширяется круг объектов финансово-правовых отношений. В него вошли цифровые финансовые активы [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, 2020], а также цифровой рубль — третья форма национальной валюты, чей государственно-правовой статус задан императивными нормами финансового права [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, 2023].

В-третьих, изменяется инструментарий правореализации: смарт-контракты, алгоритмические решения и автоматизированные процедуры начисления и взыскания обязательных платежей замещают традиционные формы, основанные на документарном волеизъявлении. Юридическая значимость электронных документов обеспечена законодательно [Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ, 2011], однако правовая квалификация автоматически генерируемых решений остаётся неопределённой — и именно здесь возникает проблема, сквозная для всей статьи.

В-четвёртых, трансформируются принципы правового регулирования и формируется технологический уровень правового воздействия. Наряду с классическими финансово-

правовыми методами появляются технологические регуляторы — обязательные требования к информационным системам, форматам данных, алгоритмам и платформам. Развивая наблюдение Е. Г. Беликова о трансформации финансово-правовых принципов в цифровой экономике [Беликов, 2020], следует уточнить: изменяются не только принципы, но и способ их нормативного выражения — принцип начинает реализовываться через техническое требование к системе. Это порождает самостоятельную проблему соотношения подзаконного технического регулирования с законодательными гарантиями прав участников финансовых правоотношений; к ней статья возвращается в разделах 4 и 6.

Промежуточный вывод: цифровая трансформация не изменяет публично-правовую сущность финансовой деятельности государства, но качественно преобразует её параметры. Методологическое значение этого вывода состоит в том, что возникающие цифровые институты подлежат оценке по критериям, выработанным наукой финансового права, а не по автономным основаниям.

### **Экспериментальные правовые режимы: пределы пригодности института для финансовой сферы**

Цифровая трансформация ставит законодателя перед типичной дилеммой: преждевременное закрепление незрелой технологии консервирует неоптимальное решение, а запоздалое оставляет отношения без правовой основы. Институциональным ответом стали экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР) [Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ, 2020].

Чаще всего ЭПР описывают в доктрине через категорию «регулятивной песочницы». Их соотношение с базовым регулированием О. А. Тарасенко определяет так: «по отношению к базовому правовому регулированию экспериментальный правовой режим имеет надстроечный характер, поскольку он характеризуется неполнотой качественных характеристик» [Тарасенко, 2023]. Характеристика точная, но неполная: надстроечность свойственна и специальным правовым режимам, а они при высокой нормативной определённости по общему правилу отступления от общеобязательных предписаний не предполагают. Видовое отличие ЭПР даёт как раз допустимость такого отступления, а не надстроечность сама по себе.

С учётом сказанного предлагается выделять совокупность квалифицирующих признаков ЭПР: 1) временный и территориально или субъектно ограниченный характер действия; 2) допустимость отступления от отдельных норм публичного финансового законодательства; 3) плановый, а не кризисный характер введения, целенаправленный на последующую нормотворческую инкорпорацию апробированных норм; 4) обязательный надзор уполномоченного органа и мониторинг результатов как условие признания эксперимента состоявшимся. Содержание последнего признака раскрывает Н. А. Дмитрик, указывая, что надзор предполагает не просто административный контроль, но активную обратную связь и возможность корректировать экспериментальные правила в ходе их применения [Дмитрик, 2020]. Совокупность названных признаков позволяет квалифицировать ЭПР как особую организационно-правовую форму управления нормотворческими рисками, отличную от экстраординарного законодательства (плановым характером и отсутствием чрезвычайного основания), от правового эксперимента в широком смысле (обязательностью надзорного сопровождения) и от специальных правовых режимов (допустимостью отступления). Сопоставление ЭПР со смежными правовыми институтами по каждому из названных признаков

приведено в таблице 1.

**Таблица 1 - Разграничение экспериментального правового режима и смежных правовых институтов**

| Признак                              | Экспериментальный правовой режим                              | Специальный правовой режим                               | Экстраординарное законодательство                      | Правовой эксперимент (в широком смысле)     |
|--------------------------------------|---------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------|---------------------------------------------|
| Срок действия                        | Ограничен, устанавливается программой режима                  | Как правило, не ограничен                                | Ограничен периодом действия чрезвычайных обстоятельств | Может быть ограничен условиями эксперимента |
| Круг субъектов и территория          | Ограничен участниками режима и (или) территорией его действия | Определён общими признаками субъектов                    | Определён территорией действия особого положения       | Определён условиями эксперимента            |
| Отступление от норм законодательства | Допускается при наличии закона-спутника                       | По общему правилу не допускается                         | Допускается                                            | Не предполагается                           |
| Основание введения                   | Плановое, в целях апробации регулирования                     | Плановое, в целях постоянного специального регулирования | Кризисное — наступление чрезвычайных обстоятельств     | Плановое, в целях проверки научной гипотезы |
| Надзор и мониторинг результатов      | Обязательны; условие признания эксперимента состоявшимся      | Не являются конституирующим признаком                    | Не являются конституирующим признаком                  | Возможны, но не обязательны                 |
| Целевая направленность               | Нормотворческая инкорпорация апробированных норм              | Постоянное регулирование обособленной сферы              | Преодоление кризисной ситуации                         | Получение научного результата               |

Практика применения Федерального закона № 258-ФЗ раскрыла системные ограничения. Первоначальная редакция распространяла режим только на цифровые инновации, что мешало унифицировать подход, а механизм «закона-спутника» [Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ, 2021] ставил изменение или исключение норм федерального законодательства в рамках программы ЭПР в зависимость от отдельного федерального закона — оперативность режима от этого резко падала. Не было и стабилизационной оговорки: сохранение условий реализации ЭПР при принятии противоречащих актов закон не гарантировал. Наконец, после доработки инициаторы подавали весь пакет документов заново, а при числе инициаторов свыше двадцати это уже существенная нагрузка. Федеральный закон от 8 июля 2024 г. № 169-ФЗ часть этих недоработок устранил.

Для сферы публичной финансовой деятельности сохраняется принципиальная проблема: ни Федеральный закон № 258-ФЗ, ни Бюджетный кодекс Российской Федерации не определяют допустимые пределы отступления от норм бюджетного и налогового законодательства в рамках ЭПР. Показательно, что два наиболее значимых финансовых эксперимента последних лет реализованы вне правового поля данного закона: специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ, 2018] введён самостоятельным федеральным законом об эксперименте, а эксперимент по партнёрскому финансированию [Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ, 2023] — отдельным правовым

актом, что отмечает Г. Ф. Ручкина [Ручкина, 2024]. Систематическое уклонение законодателя от использования общего механизма ЭПР в финансовой сфере следует расценивать не как случайность, а как признак его недостаточной пригодности для отношений, объектом которых выступают средства публичных денежных фондов.

Вывод: институт ЭПР нуждается в специализации. Целесообразно закрепить в Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации перечень институтов, в отношении которых допускается установление экспериментальных правовых режимов, а также обязательные требования к содержанию программы эксперимента в части защиты публичного имущественного интереса — прежде всего предельный объём средств, вовлекаемых в эксперимент, и порядок возмещения потерь бюджета при его неудачном завершении.

### **«Электронный бюджет»: от информационной системы к источнику юридически значимых данных**

Государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» [Бюджетный кодекс РФ, ст. 165; Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658, 2015] прошла путь от вспомогательного учётного инструмента до среды, в которой бюджетный процесс фактически осуществляется; введение единых стандартов информационного обмена [Федеральный закон от 03.08.2018 № 158-ФЗ, 2018] ознаменовало переход к качественно новому уровню интеграции бюджетных процедур.

В функциональном отношении в системе выделяются информационно-учётные, контрольно-надзорные, координационные и программно-плановые правовые функции. Масштаб реализуемого через неё контрольного потенциала характеризуется данными Официального портала государственного и муниципального финансового аудита: в 2024 году проведено 3 423 контрольных мероприятия, выявлено 9 666 нарушений на сумму 189 млрд руб [Официальный портал государственного и муниципального финансового аудита, 2026].

О. В. Болтинова рассматривает цифровизацию бюджета преимущественно в аспекте повышения эффективности бюджетного процесса [Болтинова, 2021], К. И. Брыкин — в аспекте реализации принципа прозрачности [Брыкин, 2018], Г. В. Морунова, В. А. Федосов и А. С. Салтыков — в аспекте развития информационных систем бюджетного процесса [Морунова, Федосов, Салтыков, 2025]. Каждый из этих подходов верен, но все они рассматривают систему как инструмент. Представляется, что произошло качественное изменение: «Электронный бюджет» приобрёл статус официального источника юридически значимых данных бюджетного процесса, порождающего новые субъективные права и юридические обязанности его участников — обязанность постоянного ведения учёта в цифровой среде и расширенные полномочия органов финансового контроля по дистанционному мониторингу. Данные системы приобретают доказательственное значение при разрешении бюджетных споров, что качественно отличает их от сведений вспомогательных информационных ресурсов. Одновременно система придаёт базовым принципам бюджетного права — единству бюджетной системы, гласности, достоверности бюджета — технологически обусловленное содержание, превращая их из преимущественно декларативных установок в действующие стандарты онлайн-управления публичными финансами.

Правовое регулирование, однако, за этим изменением не последовало. С. А. Савостьянова обоснованно указывает на необходимость совершенствования бюджетного законодательства путём его дополнения положениями, регламентирующими цифровизацию бюджетной

экосистемы [Савостьянова, 2025]. Соглашаясь с постановкой вопроса, следует, тем не менее, возразить против ограничения задачи регламентацией процедур: проблема не в отсутствии описания процедур, а в неопределённости правового статуса данных. Анализ позволяет выделить четыре нормативных дефицита.

Дефицит обязательности: Бюджетный кодекс Российской Федерации не содержит нормы, прямо устанавливающей, что совершение бюджетной операции вне «Электронного бюджета» не влечёт правовых последствий, вследствие чего юридическая сила данных системы выводится из подзаконных актов.

Дефицит безопасности: требования к защите обрабатываемой информации устанавливаются на основании законодательства об информации [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, 2006], однако специальные гарантии сохранности юридически значимых бюджетных данных — порядок восстановления сведений при технологическом сбое и распределение ответственности за их утрату — в бюджетном законодательстве отсутствуют.

Дефицит интеграции: правовое обеспечение взаимодействия «Электронного бюджета» с налоговыми информационными системами, единой информационной системой в сфере закупок и платформой цифрового рубля носит фрагментарный характер.

Дефицит технологического регулирования: правовой статус результатов автоматизированной обработки данных, права участников бюджетного процесса на их проверку и оспаривание, а также требования к алгоритмам нормативно не определены. Этот дефицит — частное проявление сквозной проблемы статьи.

Преодоление названных дефицитов требует включения в Бюджетный кодекс Российской Федерации самостоятельной главы «Информационное обеспечение бюджетного процесса», закрепляющей правовой статус государственных информационных систем в бюджетной сфере, юридическую силу содержащихся в них данных, обязательность их использования при совершении бюджетных операций и гарантии прав участников бюджетного процесса при технологических сбоях и автоматизированной обработке данных.

### **Цифровые платформы в фискальном администрировании: «алгоритмически опосредованный» контроль**

Налоговое администрирование — сфера, в которой цифровые платформы получили наиболее полное внедрение. Система автоматизированного контроля налога на добавленную стоимость, механизм онлайн-передачи фискальных данных [Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ, 2003], мобильное приложение «Мой налог» в рамках специального налогового режима, единый налоговый счёт образуют взаимосвязанную инфраструктуру. Её масштаб: по состоянию на апрель 2025 года зафиксировано свыше 3,7 млн аппаратов контрольно-кассовой техники, через которые ежедневно проводится более 220 млн операций; в рамках налога на профессиональный доход в 2023 году уплачено 63 млрд руб. при совокупной выручке самозанятых 1,3 трлн руб., а в 2025 году их совокупный доход превысил 3 трлн руб., увеличившись на 38,6 %; применение информационных систем Федеральной налоговой службы позволило предотвратить потерю 83 млрд руб. бюджетных доходов.

Эти показатели служат основанием для преимущественно позитивных оценок цифровизации фискального администрирования, характерных как для отечественной [Алимбекова, Меньков, 2023], так и для зарубежной литературы: в докладе Международного валютного фонда «Digital Revolutions in Public Finance» рост налоговых поступлений от

обязательного электронного декларирования оценивается в среднем до 5 % ВВП [Digital Revolutions in Public Finance, 2017]. Существенно, что в том же докладе подчёркивается: цифровизация сама по себе не гарантирует роста поступлений без сопутствующих институциональных преобразований и обеспечения правовых гарантий. Отечественная дискуссия эту часть вывода в основном обходит, сосредоточиваясь на показателях собираемости.

Для юридической квалификации складывающихся отношений нужна самостоятельная категория. Предлагается называть их «алгоритмически опосредованным» фискальным контролем — особым типом налогово-контрольных отношений, где юридически значимое воздействие на налогоплательщика идёт через результат работы алгоритма, а не через непосредственный властный акт должностного лица. От традиционного налогового контроля эта конструкция отличается рассредоточенностью властного волеизъявления: решение о контрольном мероприятии принимает должностное лицо, но фактическим основанием служит машинно сформированный индикатор риска, юридический статус которого не определён.

Механизм двойствен. Технологически он эффективен: контроль масштабируется, транзакционные издержки снижаются, собираемость обязательных платежей растёт, а дистанционный анализ сокращает объём выездных проверок. Институционально и нормативно он, напротив, не определён — и неопределённость эта проявляется в трёх аспектах.

Первый — фактический перенос бремени доказывания на налогоплательщика посредством алгоритмически генерируемых индикаторов риска. Получив автоматически сформированное требование о представлении пояснений, обязанное лицо вынуждено опровергать вывод системы, тогда как основания его формирования ему недоступны. Это вступает в напряжение с презумпцией добросовестности налогоплательщика и с правилом пункта 5 статьи 82 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которому доказывание обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 54.1 Кодекса, производится налоговым органом [Налоговый кодекс РФ, п. 5 ст. 82, 2017].

Второй — придание ненормативным технологическим решениям правозначимых последствий. Порядок работы конкретных модулей информационных систем устанавливается постановлениями Правительства Российской Федерации и приказами Федеральной налоговой службы, которые определяют технологию, но не правовой статус формируемых ею результатов, права субъектов на ознакомление с ними и порядок их оспаривания.

Третий — отсутствие процессуальных гарантий при автоматизированном принятии решений, в том числе права на пересмотр алгоритмического результата с участием должностного лица. Здесь уместно указать на сравнительно-правовой ориентир: законодательство о персональных данных Европейского союза закрепляет право лица не быть объектом решения, основанного исключительно на автоматизированной обработке, и право требовать участия человека в его принятии [Регламент (ЕС) 2016/679, ст. 22, 2016]. Российское финансовое законодательство аналогичной гарантии не содержит, хотя объём автоматизированного воздействия на налогоплательщика в отечественной практике существенно выше.

Отмеченные проблемы носят не технический, а конституционно-правовой характер, поскольку затрагивают гарантии государственной и судебной защиты прав (статьи 45, 46 Конституции Российской Федерации). Их разрешение предполагает закрепление в Налоговом кодексе Российской Федерации: понятия автоматизированной контрольной процедуры и перечня её видов; правового статуса результата автоматизированной обработки данных как

сведения, подлежащего проверке, но не обладающего преюдициальным значением; права налогоплательщика на получение информации об основаниях отнесения его к категории риска и на пересмотр автоматизированного решения должностным лицом налогового органа.

### **Цифровой рубль и цифровые платёжные системы: спор о правовой природе и его практические следствия**

Введение цифрового рубля [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, 2023] и последующее развитие его правового режима [Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П, 2023; Указание Банка России от 12.07.2024, 2024] образуют наиболее значимую новеллу валютно-правового блока. Ключевые параметры режима: цифровой рубль отнесён к форме национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами; оператором платформы выступает Банк России; участие в платформе опосредуется кредитными организациями.

Правовая природа цифрового рубля — предмет активной дискуссии. Е. Б. Лаутс указывает на неправомерность его отождествления с «цифровой валютой» в понимании Федерального закона 2020 года и на правовые риски отнесения его к безналичным денежным средствам [Лаутс, 2024]. Ю. В. Леднева обращает внимание на специфику режима, обусловленную прямым обязательственным характером требований к Центральному банку, что отличает цифровой рубль от безналичных денежных средств [Леднева, 2024]. Ю. А. Крохина обосновывает классификационный критерий разграничения цифровых форм денег [Крохина, 2024], Н. Г. Андрианова квалифицирует цифровой рубль как вид цифровой валюты центрального банка [Андрианова, 2024], Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов приходят к выводу о незавершённости его правового регулирования [Рождественская, Гузнов, 2024]. Общим для перечисленных позиций является то, что все они разрешают вопрос в системе координат «форма денег»: спор ведётся о том, к какой разновидности денежных средств относится цифровой рубль.

Представляется, что эта система координат недостаточна. Цифровой рубль выступает не только как форма национальной валюты, но и как инструмент публичной финансовой деятельности, используемый для реализации фискальных, контрольных и бюджетно-управленческих задач государства. Технологические свойства цифрового рубля — программируемость и прослеживаемость — имеют прямое финансово-правовое значение: они позволяют обеспечить целевое расходование бюджетных средств на уровне самой денежной единицы, а не посредством последующего контроля. Именно этот аспект, а не отраслевая принадлежность конструкции, определяет его значение для публичной финансовой деятельности. Близкую по направленности мысль высказывает А. А. Недров, отмечая, что реализация бюджетно-финансового потенциала цифровой валюты требует не технической интеграции, а нормативно предписанного перехода от формального учёта [Недров, 2026].

Нормативное оформление этого потенциала уже началось. Федеральным законом от 31 июля 2025 г. Банк России наделён полномочиями по обслуживанию счёта цифрового рубля Федерального казначейства и предоставлению услуг на платформе без взимания платы; с 1 января 2026 года расходы федерального бюджета могут осуществляться с использованием цифрового рубля без ограничения конкретным перечнем [Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ, 2025]; в июне 2026 года утверждён порядок информационного взаимодействия оператора платформы и кредитных организаций с налоговыми органами в целях исполнения

поручений о взыскании задолженности, чем завершено встраивание цифрового рубля в механизм принудительного исполнения налоговой обязанности.

Правовое обеспечение при этом не завершено и межотраслево рассогласовано: нормы о статусе цифрового рубля, порядке работы платформы и особенностях его применения в налоговых и бюджетных правоотношениях разбросаны по разным актам и во внутренне согласованный режим не складываются. Больше всего недостаёт регулирования смарт-контрактов применительно к бюджетным правоотношениям — не определены ни правовая природа смарт-контракта как формы исполнения бюджетного обязательства, ни порядок его изменения и расторжения, ни последствия некорректного исполнения. По сути это та же проблема, что и с алгоритмической оценкой: программный код порождает юридические последствия, не имея правового статуса.

Правовое регулирование цифровых платёжных систем [Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ, 2011; Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ, 2002] отражает становление особого межотраслевого механизма цифрового денежного обращения. Его масштаб: по итогам 2024 года через Систему быстрых платежей совершено более 13,4 млрд операций на сумму 69,5 трлн руб.; общий объём выпусков цифровых прав за 2022–2025 годы составил 2,31 трлн руб. Развивая выводы Е. Г. Хоменко о финансово-правовом регулировании национальной платёжной системы [Хоменко, 2017] и Л. Г. Ефимовой о цифровых банковских расчётах [Ефимова, 2025], следует заключить, что платёжная инфраструктура перестаёт быть вспомогательным техническим элементом банковского рынка и приобретает качество самостоятельной юридически значимой среды реализации как частных имущественных обязательств, так и публичной финансовой деятельности государства. Механизм этот соединяет банковское, платёжное, информационное и надзорное регулирование, институционально замкнут на Банк России, сводит государственные, банковские и небанковские платёжные сервисы в единое цифровое пространство расчётов и обслуживает разные по правовой природе модели движения денежных средств, включая специальные режимы партнёрского финансирования. Публично-правовое измерение этой среды усиливается антиотмывочным регулированием [Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ, 2001]: законодатель рассматривает платёжную инфраструктуру как объект публичного финансового надзора, а не только как сферу частноправовых расчётов. Здесь наиболее отчётливо проявляется соотношение публично-правового и частноправового регулирования — одна и та же технологическая среда одновременно обслуживает исполнение гражданско-правовых денежных обязательств и реализацию властных полномочий государства.

### **Государственный финансовый контроль: риск-ориентированный подход и проблема алгоритмической оценки**

Финансовый контроль замыкает контур публичной финансовой деятельности, и цифровая трансформация меняет здесь саму модель правового регулирования. Под контроль попадает теперь не только движение денежных средств и материальных активов, но и массивы цифровых данных. Рядом с органами публичной власти в роли субъектов контроля оказываются информационные системы и алгоритмы, которым делегированы сбор, обработка и анализ финансовой информации, а предметом регулирования становятся дистанционный мониторинг, автоматизированный анализ рисков и предиктивная аналитика; к методу правового воздействия добавляются технологические регуляторы. Инфраструктура получила и бюджетное содействие — на цифровую платформу внешнего государственного аудита и рабочее место «Цифрового

инспектора» выделено 2,9 млрд руб.

Литература оценивает цифровизацию финансового контроля положительно [Булетова, Золотыко, Гаджигороев, 2025]; И. О. Антропцева видит в ней самостоятельное направление развития публичного финансового контроля [Антропцева, 2024]. Оценка обоснованна, но нуждается в одном уточнении: классические формы контрольного вмешательства — проверки, ревизии, обследования — цифровизация не подменяет, а переориентирует на риск-ориентированный мониторинг и превентивное выявление нарушений. Целевое состояние точнее всего сформулировал Э. А. Исаев: «госфинконтроль должен перейти от наказания к предупреждению нарушений» [Исаев, 2022].

Совокупность этих изменений позволяет говорить о новой модели правового обеспечения контрольной деятельности, основанной на цифровизации контрольных процедур и риск-ориентированном мониторинге. Складывается она из больших массивов данных, предиктивной аналитики и алгоритмов машинного обучения; электронный документооборот как основная форма контрольного взаимодействия; превентивная, а не репрессивная направленность контроля. Нормативно состоятельной эта модель станет лишь при последовательной конкретизации цифровых процедур, критериев оценки и гарантий защиты прав контролируемых субъектов. В центре складывающейся модели — риск-ориентированный подход. Литература видит в нём преимущественно методический инструмент планирования контрольной деятельности: Е. Е. Матвеева обосновывает использование карт рисков [Матвеева, 2018], Г. И. Большакова — создание единой концепции управления рисками [Большакова, 2022], А. И. Лукашов — расширение критериев риск-ориентированного планирования [Лукашов, 2023]. Такая квалификация, как представляется, занижает нормативное значение подхода. Признать его самостоятельным принципом организации государственного (муниципального) финансового контроля позволяют два обстоятельства: он нормативно закреплён — в системе федеральных стандартов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и в концептуальных документах органов внешнего государственного аудита — и содержательно определён, поскольку объекты и предметы контроля обязательно дифференцируются по категориям риска при формировании плана контрольных мероприятий, а результаты риск-анализа задают глубину, объём и содержание контрольных процедур. У методического инструмента таких свойств нет — он правоприменителя не обязывает и не связывает.

Различие здесь не терминологическое: квалификация риск-ориентированного подхода как принципа влечёт три практических следствия. Потребуется единый федеральный стандарт его применения в деятельности органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля — сейчас методики контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации существенно расходятся, и результаты становятся несопоставимы; на смежную проблему, неудовлетворительную синхронизацию внутреннего финансового контроля, внутреннего финансового аудита, бюджетного мониторинга и государственного финансового контроля, обоснованно указывает А. И. Лукашов [Лукашов, 2023]. Далее, подход придётся закрепить в главе 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации — это придаст ему нормативную обязательность за рамками ведомственного регулирования. И самое существенное: понадобятся гарантии прав контролируемых субъектов при отнесении их к категории высокого риска, включая право ознакомиться с основаниями такого отнесения и оспорить его.

Именно третье следствие возвращает к сквозному тезису статьи. Попад в категорию

высокого риска, объект получает вполне определённые обременения — повышенные частоту и глубину контрольных мероприятий, — но актом, подлежащим обжалованию, это не оформляется. Структурно перед нами та же конструкция, что алгоритмически генерируемый индикатор налогового риска из раздела 4 и смарт-контракт на платформе цифрового рубля из раздела 5: программно сформированный результат порождает юридические последствия, не имея правового статуса. Разрозненность проявлений скрывает их общую природу, оттого и решают их до сих пор порознь — в налоговом, бюджетном и валютном законодательстве. Структурное тождество трёх названных проявлений сведено в таблице 2.

**Таблица 2 — Проявления алгоритмической оценки в публичной финансовой деятельности**

| <b>Сфера публичной финансовой деятельности</b>                       | <b>Программно сформированный результат</b>              | <b>Последствие для обязанного лица</b>                                        | <b>Нормативное оформление результата</b>                               | <b>Форма оспаривания</b>                       |
|----------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------|
| Налоговое администрирование (раздел 4)                               | Алгоритмически генерируемый индикатор налогового риска  | Требование о представлении пояснений; фактический перенос бремени доказывания | Акты ФНС России определяют технологию; статус результата не установлен | Отсутствует                                    |
| Государственный (муниципальный) финансовый контроль (раздел 6)       | Отнесение объекта контроля к категории риска            | Повышенные частота, глубина и объём контрольных мероприятий                   | Федеральные стандарты внутреннего ГМФК и ведомственные методики        | Отсутствует: не оформляется как обжалуемый акт |
| Бюджетные правоотношения с использованием цифрового рубля (раздел 5) | Исполнение смарт-контракта на платформе цифрового рубля | Изменение имущественного положения получателя бюджетных средств               | Правовая природа смарт-контракта не определена                         | Отсутствует: последствия сбоя не урегулированы |

Появляется самостоятельная задача финансово-правовой науки: разработка общего правового режима алгоритмической оценки в публичной финансовой деятельности. Его минимальное содержание должно включать четыре элемента: определение результата алгоритмической обработки как юридического факта особого рода, не обладающего преюдициальным значением; обязанность органа раскрыть обязанному лицу основания отнесения его к категории риска; право на пересмотр алгоритмического результата с участием должностного лица; ответственность оператора информационной системы за недостоверность результата. Закрепление этих элементов возможно как в отраслевых кодексах, так и в форме общих положений законодательства о государственных информационных системах [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, 2006].

## **Заключение**

Проведённый анализ подтверждает исходный тезис: цифровые институты публичных финансов образуют единое правовое явление, а не совокупность обособленных технологических новелл. Выводы состоят в следующем.

1. Цифровая трансформация публичной финансовой деятельности не изменяет её публично-

правовую сущность, но качественно преобразует параметры — субъектный состав, объекты, инструменты и принципы правового регулирования; представление о цифровизации как о смене парадигмы финансовой деятельности государства не находит подтверждения при проверке её конституирующих признаков.

2. Экспериментальные правовые режимы представляют собой особую организационно-правовую форму управления нормотворческими рисками, видовым признаком которой выступает допустимость отступления от норм публичного финансового законодательства; систематическая реализация финансовых экспериментов вне механизма Федерального закона № 258-ФЗ свидетельствует о необходимости его специализации.

3. Государственная информационная система «Электронный бюджет» приобрела статус официального источника юридически значимых данных бюджетного процесса; выявленные дефициты обязательности, безопасности, интеграции и технологического регулирования требуют законодательного преодоления.

4. Использование цифровых платформ при реализации фискальных полномочий образует «алгоритмически опосредованный» фискальный контроль, в котором властное волеизъявление рассредоточено между должностным лицом и машинно сформированным индикатором риска.

5. Цифровой рубль требует оценки не только в системе координат «форма денег», но и как инструмент публичной финансовой деятельности; цифровые платёжные системы приобретают качество самостоятельной юридически значимой среды реализации частных имущественных обязательств и публичной финансовой деятельности государства.

6. Риск-ориентированный подход обладает свойствами самостоятельного принципа организации государственного (муниципального) финансового контроля, а не методического инструмента планирования.

7. Сквозной проблемой всех рассмотренных блоков выступает отсутствие правового режима алгоритмической оценки: программно сформированный результат порождает юридические последствия, не имея правового статуса и процессуальной формы оспаривания.

Практическая реализация предполагает: дополнение Бюджетного кодекса Российской Федерации главой «Информационное обеспечение бюджетного процесса»; закрепление в главе 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации риск-ориентированного подхода в качестве принципа организации государственного (муниципального) финансового контроля; дополнение Налогового кодекса Российской Федерации положениями об автоматизированных контрольных процедурах и гарантиях прав налогоплательщика при алгоритмической оценке риска; принятие единого федерального стандарта применения риск-ориентированного подхода в деятельности органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля; нормативное определение правового режима смарт-контрактов, используемых на платформе цифрового рубля, применительно к бюджетным правоотношениям; закрепление в Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации пределов отступления от норм финансового законодательства в рамках экспериментальных правовых режимов.

## Библиография

1. Алимбекова А. С., Меньков В. В. Влияние цифровизации на повышение эффективности бюджетного контроля // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 45–49.
2. Андрианова Н. Г. Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. 2024. № 3. С. 24–32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32.
3. Антропова И. О. Цифровизация публичного финансового контроля: монография. Москва: Статут, 2024. 182 с.

4. Беликов Е. Г. Развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9(73). С. 39–45. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045.
5. Болтинова О. В. Бюджет в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9(85). С. 48–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.048-055.
6. Большакова Г. И. Проблемы управления рисками в государственном управлении: зарубежный и российский опыт // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 11(150). С. 142–146.
7. Брыкин К. И. Блокчейн как средство реализации принципа прозрачности (открытости) в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2018. № 4. С. 39–42.
8. Булетова Н. Е., Золотко Т. А., Гаджигорев Г. Ш. Цифровая трансформация государственного финансового контроля в России // Финансы и кредит. 2025. Т. 31, № 6. С. 77–96.
9. Дмитрик Н. А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.
10. Ефимова Л. Г. Цифровое банковское право. Теоретические проблемы цифрового банковского права. Цифровые банковские расчёты и счета. Москва: Проспект, 2025.
11. Исаев Э. А. Актуальные вопросы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере // Вестник университета. 2022. № 8. С. 139–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-139-144.
12. Крохина Ю. А. Электронные и цифровые деньги: новые вызовы для правового регулирования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9, № 2. С. 159–164. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-2-159-164.
13. Лаутс Е. Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения // Закон. 2024. № 9. С. 17–25.
14. Леднева Ю. В. Цифровой рубль в финансово-правовом пространстве // Финансовое право. 2024. № 9. С. 21–24.
15. Лукашов А. И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 20–38.
16. Лукашов А. И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Т. 17, № 4. С. 6–15.
17. Матвеева Е. Е. Применение риск-ориентированного подхода в сфере государственного финансового контроля // Экономический журнал. 2018. № 1(49). С. 41–56.
18. Морунова Г. В., Федосов В. А., Салтыков А. С. Информационные системы бюджетного процесса в России: современное состояние и перспективы развития // Финансовый журнал. 2025. Т. 17, № 4. С. 44–61. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-4-44-61.
19. Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2026. 162 с.
20. Поветкина Н. А., Артюхин Р. Е., Демидов А. Ю. Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2021.
21. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 48–55. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.
22. Ручкина Г. Ф. Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования // Банковское право. 2024. № 1. С. 7–13. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-1-7-13.
23. Савостьянова С. А. К вопросу о цифровизации российской бюджетной экосистемы // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 3. С. 17–22.
24. Смирникова Ю. Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2012.
25. Соколова Э. Д. Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2008.
26. Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 40–55. DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
27. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И. А. Цинделиани. Москва: Проспект, 2019.
28. Хоменко Е. Г. Финансово-правовое регулирование создания и функционирования национальной платёжной системы России: монография. Москва: Проспект, 2017. 252 с.
29. Цифровой контур публичных финансов и право: научно-практическое пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, О. А. Акопян [и др.]. Москва: Юриспруденция, 2022. 232 с.
30. Digital Revolutions in Public Finance / eds. S. Gupta, M. Keen, A. Shah, G. Verdier. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2017. 362 p.

---

## Legal Regulation of Public Financial Activity of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: The Problem of the Systemic Nature of the Legal Regime

**Daniil V. Shakhov**

Postgraduate Student,  
Department of International and Public Law of the Faculty of Law,  
Financial University under the Government of the Russian Federation,  
125993, 49, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: d.shakhov@example.ru

### Abstract

Digital institutions of public finance — state information systems of the budget process, digital platforms of fiscal administration, the digital ruble, digital payment systems, automated procedures of financial control — are considered in the article not as a set of heterogeneous technological novelties, but as a single legal phenomenon with a common range of problems for all blocks of public financial activity. The view widespread in the literature of digitalization as a paradigm shift in the financial activity of the state is contrasted with the thesis of the preservation of its public-law essence: the parameters — the subject composition, objects, instruments, and principles of legal regulation — are changing qualitatively. The author's definitions of the digital transformation of public financial activity and of "algorithmically mediated" fiscal control are given. The problem of the legal regime of algorithmic assessment remains cross-cutting and still unresolved: both in tax administration and in budget control, the result of the algorithm's operation entails unfavorable consequences for the obligated person, while there is no procedural form for challenging it. The article concludes with a set of proposals for improving budget, tax, and information legislation.

### For citation

Shakhov D.V. (2026) *Pravovoe regulirovanie publichnoy finansovoy deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: problema sistemnosti pravovogo rezhima* [Legal Regulation of Public Financial Activity of the Russian Federation in the Context of Digital Transformation: The Problem of the Systemic Nature of the Legal Regime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 282-298. DOI: 10.34670/AR.2026.78.63.067

### Keywords

Public financial activity, digital transformation, financial law, experimental legal regimes, "Electronic Budget", digital platforms, fiscal administration, digital ruble, national payment system, state financial control, risk-oriented approach, algorithmic assessment.

### References

1. Alimbekova, A. S., Menkov, V. V. (2023). *Vliyaniye tsifrovizatsii na povysheniye effektivnosti byudzhethnogo kontrolya* [The Impact of Digitalisation on Improving the Efficiency of Budgetary Control]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal Research], vol. 8, no. 2, pp. 45–49.
2. Andrianova, N. G. (2024). *Finansovo-pravovye osobennosti tsifrovogo rublya kak vida tsifrovoy valyuty tsentralnogo*

- banka [Financial and Legal Features of the Digital Rouble as a Type of Central Bank Digital Currency]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], no. 3, pp. 24–32. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-24-32.
3. Antropceva, I. O. (2024). *Tsifrovizatsiya publichnogo finansovogo kontrolya* [Digitalisation of Public Financial Control]: monograph. Moscow: Statut, 182 p.
  4. Belikov, E. G. (2020). *Razvitie finansovo-pravovykh printsipov v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [Development of Financial and Legal Principles in the Digital Economy]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], no. 9(73), pp. 39–45. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045.
  5. Boltinova, O. V. (2021). *Byudzhety v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [The Budget in the Digital Economy]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], no. 9(85), pp. 48–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.048-055.
  6. Bolshakova, G. I. (2022). *Problemy upravleniya riskami v gosudarstvennom upravlenii: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt* [Problems of Risk Management in Public Administration: Foreign and Russian Experience]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], no. 11(150), pp. 142–146.
  7. Brykin, K. I. (2018). *Blokcheyn kak sredstvo realizatsii printsipa prozrachnosti (otkrytosti) v sfere publichnykh finansov* [Blockchain as a Means of Implementing the Principle of Transparency (Openness) in the Sphere of Public Finance]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], no. 4, pp. 39–42.
  8. Buletova, N. E., Zolotko, T. A., Gadzhigorev, G. Sh. (2025). *Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossii* [Digital Transformation of State Financial Control in Russia]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], vol. 31, no. 6, pp. 77–96.
  9. Dmitrik, N. A. (2020). *Eksperimentalnye pravovye rezhimy: teoretiko-pravovoy aspekt* [Experimental Legal Regimes: Theoretical and Legal Aspect]. *Zakon* [Law], no. 6, pp. 64–72.
  10. Efimova, L. G. (2025). *Tsifrovoe bankovskoe pravo. Teoreticheskie problemy tsifrovogo bankovskogo prava. Tsifrovye bankovskie raschety i scheta* [Digital Banking Law. Theoretical Problems of Digital Banking Law. Digital Banking Settlements and Accounts]. Moscow: Prospekt.
  11. Isaev, E. A. (2022). *Aktualnye voprosy k tsifrovizatsii kontrolya v finansovo-byudzhetnoy sfere* [Current Issues of Digitalisation of Control in the Financial and Budgetary Sphere]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], no. 8, pp. 139–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-139-144.
  12. Khomenko, E. G. (2017). *Finansovo-pravovoe regulirovanie sozdaniya i funktsionirovaniya natsionalnoy platezhnoy sistemy Rossii* [Financial and Legal Regulation of the Creation and Functioning of the National Payment System of Russia]: monograph. Moscow: Prospekt, 252 p.
  13. Krokhina, Yu. A. (2024). *Elektronnye i tsifrovye dengi: novye vyzovy dlya pravovogo regulirovaniya* [Electronic and Digital Money: New Challenges for Legal Regulation]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economics. Law. Society], vol. 9, no. 2, pp. 159–164. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-2-159-164.
  14. Lauts, E. B. (2024). *Tsifrovoy rubl: diskussiya o pravovoy prirode i perspektivakh vnedreniya* [The Digital Rouble: Discussion on the Legal Nature and Prospects of Introduction]. *Zakon* [Law], no. 9, pp. 17–25.
  15. Ledneva, Yu. V. (2024). *Tsifrovoy rubl v finansovo-pravovom prostranstve* [The Digital Rouble in the Financial and Legal Space]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], no. 9, pp. 21–24.
  16. Lukashov, A. I. (2023). *Gosudarstvennyy finansovyy kontrol: sovremennyye vyzovy i napravleniya sovershenstvovaniya* [State Financial Control: Modern Challenges and Directions of Improvement]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], no. 1, pp. 20–38.
  17. Lukashov, A. I. (2023). *Tekushchee sostoyanie i perspektivy tsifrovizatsii organov gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii* [Current State and Prospects of Digitalisation of State Financial Control Bodies in the Russian Federation]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], vol. 17, no. 4, pp. 6–15.
  18. Matveeva, E. E. (2018). *Primenenie risk-orientirovannogo podkhoda v sfere gosudarstvennogo finansovogo kontrolya* [Application of the Risk-Oriented Approach in the Sphere of State Financial Control]. *Ekonomicheskyy zhurnal* [Economic Journal], no. 1(49), pp. 41–56.
  19. Morunova, G. V., Fedosov, V. A., Saltykov, A. S. (2025). *Informatsionnye sistemy byudzhetnogo protsessa v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Information Systems of the Budgetary Process in Russia: Current State and Development Prospects]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], vol. 17, no. 4, pp. 44–61. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-4-44-61.
  20. Nedrov, A. A. (2026) *Publichno-pravovoy rezhim vypuska i obrashcheniya tsifrovyykh valyut tsentralnykh bankov* [Public-Law Regime of Issuance and Circulation of Central Bank Digital Currencies]: Cand. Sci. (Law) dissertation: 5.1.2. Moscow, 162 p.
  21. Povetkina, N. A., Artyukhin, R. E., Demidov, A. Yu. (2021). *Novye instituty byudzhetnogo prava v usloviyakh tsifrovoy revolyutsii* [New Institutes of Budgetary Law in the Context of the Digital Revolution]: monograph. Moscow: Norma: Infra-M.
  22. Rozhdestvenskaya, T. E., Guznov, A. G. (2024). *Pravovoe regulirovanie tsifrovogo rublya* [Legal Regulation of the

- Digital Rouble]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law], vol. 19, no. 1, pp. 48–55. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.
23. Ruchkina, G. F. (2024). Partnerskoe finansirovanie v Rossii: provedenie eksperimenta po ustanovleniyu spetsialnogo regulirovaniya [Partner Financing in Russia: Conducting an Experiment on Establishing Special Regulation]. Bankovskoe pravo [Banking Law], no. 1, pp. 7–13. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-1-7-13.
24. Savostyanova, S. A. (2025). K voprosu o tsifrovizatsii rossiyskoy byudzhetoynoy ekosistemy [On the Digitalisation of the Russian Budgetary Ecosystem]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Problems of Economics and Legal Practice], vol. 21, no. 3, pp. 17–22.
25. Smirnikova, Yu. L. (2012). Regulativnaya funktsiya finansovogo prava: sistemnyy podkhod i realizatsiya [The Regulatory Function of Financial Law: A Systemic Approach and Implementation]: Dr. Sci. (Law) dissertation: 12.00.14. Moscow.
26. Sokolova, E. D. (2008). Teoreticheskie aspekty pravovogo regulirovaniya finansovoy deyatel'nosti gosudarstva i munitsipal'nykh obrazovaniy [Theoretical Aspects of Legal Regulation of the Financial Activity of the State and Municipal Entities]: Dr. Sci. (Law) dissertation: 12.00.14. Moscow.
27. Tarasenko, O. A. (2023). Eksperimentalnyy pravovoy rezhim — poligon dlya innovatsiy i regulirovaniya [Experimental Legal Regime — A Testing Ground for Innovation and Regulation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law], vol. 14, no. 1, pp. 40–55. DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
28. Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Financial Law in the Context of the Development of the Digital Economy]: monograph / ed. by I. A. Tsindel'ani. Moscow: Prospekt, 2019.
29. Tsifrovoy kontur publichnykh finansov i pravo [The Digital Contour of Public Finance and Law]: scientific and practical guide / I. I. Kucherov, N. A. Povetkina, O. A. Akopyan [et al.]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2022, 232 p.
30. Digital Revolutions in Public Finance / eds. S. Gupta, M. Keen, A. Shah, G. Verdier. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2017, 362 p.